

Большая перемена.

— Хм-хм-хм, Сяо И, как насчёт того, чтобы стать моей питомицей? Впредь я буду тебя защищать.

Сяо Лянь повернулась, упершись обеими руками в край своей парты, и слегка наклонилась ко мне. В её глазах мерцало что-то лукавое и полное предвкушения. Окно в задней части класса было открыто, врывающийся ветерок слегка раскачивал прядки волос у неё на лбу, и казалось, что сама атмосфера искрится её энергией.

— А? Почему? — Я замерла, ошеломленная столь внезапным предложением, и переспросила.

— Да потому что ты ужасно похожа на котёнка! Отныне я буду звать тебя Кошечкой, а ты меня — Хозяйкой.

Краем глаза я заметила, как Лян Вэй подняла голову от парты, посмотрела на меня, потом на Сяо И, а затем отвернулась к стене и перевернулась на другой бок. Могу представить, о чём она думает: во что это она тут играет, в какие-то странные ролевые игры. Да пусть думает что хочет, сейчас меня волнует только Сяо И.

Затем Сяо И опустила голову, уголки её губ изогнулись, являя миру крошечную улыбку.

— Хорошо, Хозяйка.

Я остолбенела.

В смысле? Ты согласилась? Разве ты не должна была покраснеть, замахать руками и сказать: «Хватит дурачиться»? Как это ты просто взяла и согласилась? К тому же, когда ты произнесла эти четыре слова... без запинки, тихо, но очень уверенно, а когда подняла на меня глаза, улыбнулась так... так нежно и с такой верой.

Я не могла описать это ощущение. Словно кто-то легко сжал моё сердце, вызвав мягкий и незнакомый трепет.

— Умничка, моя хорошая Кошечка. — Я протянула руку и погладила её по голове. На этот раз она не увернулась. В прошлый раз, когда я дотронулась до неё, она испуганно сжалась, а теперь послушно опустила голову, и её чёрные волосы скользнули между моими пальцами, невероятно мягкие. Её лицо постепенно краснело, румянец расплзался от щек до самых кончиков ушей, словно в чашку чистой воды капнули красными чернилами, распускаясь красивым алым цветом.

Люблю.

(Лян Вэй, поддерживая себя за лоб: Ну вы и вправду в это ввязались. Ладно, наверное, я ещё не проснулась, пойду дальше спать.)

Я убрала руку и тихонько сжала её в кулак. На кончиках пальцев всё ещё сохранялось это мягкое ощущение. Слово сказано — назад не воротить. Ладно, с сегодняшнего дня я буду баловать тебя. Когда эта мысль промелькнула в голове, даже мне самой она показалась немного странной, но такой естественной.

В обеденный перерыв я пригласила Сяо И поесть вместе. Пожалуй, так и надо было поступить.

— Держи, Сяо И, это тебе. — Я положила ей в тарелку то, что люблю сама.

— Спасибо! — она приняла еду, и в её голосе послышалась маленькая радость.

— Сяо И слишком худенькая, ешь побольше. — Я смотрела на неё, заметив, что вены на тыльной стороне её кисти отчетливо проступают — явный признак недоедания.

— Хорошо. — Она послушно ела, кусочек за кусочком. Котенок за трапезой — до чего же мило.

— Эй, вы обе, не игнорируйте меня, я вообще-то здесь, — недовольно окликнула нас Сяо Вэй.

— Меньше болтать надо, а ну отдай. — Я смахнула с тарелки Сяо Вэй то, что любила сама, и сунула себе в рот. Она лишь бросила на меня косой взгляд — впрочем, ей было всё равно, она ведь следит за фигурой.

— Кстати, когда у Сяо И день рождения? — спросила я.

— Седьмого ноября, — ответила она.

— Ещё месяц... — я жевала еду, чувствуя, как она вдруг застревает в горле. Будут ли мы с Сяо И вот так же сидеть и обедать месяц спустя? Вдруг она снова сожмётся в свою робкую ракушку? Или я сделаю что-то не то, и она оттолкнет меня? Эта неопределенность, словно крошечная тень, легла мне на сердце.

— Что случилось, Сяо Лянь? — Она склонила голову набок, и в её взгляде мелькнуло беспокойство. Совсем чуть-чуть, но я это заметила.

— Ничего, я обязательно приду отпраздновать с тобой, — твердо произнесла я.

— Нет... можно и не праздновать, — она опустила голову, палочки беспокойно ковырялись в коробочке с едой, а опущенные ресницы скрывали глаза. Голос тоже стал тише, отчего в груди

засаднило.

Словно она уже давно привыкла к тому, что её день рождения никто не празднует, привыкла к дням, от которых ничего не ждут.

— Нет, отпраздновать нужно обязательно, ведь ты моя хорошая Кошечка, — сказала я ещё твёрже, чем прежде, и в сердце вспыхнуло непреодолимое желание защитить её от всего мира.

Она подняла голову, ресницы дрогнули. А затем улыбнулась. Её глаза изогнулись полумесяцами, и весь её облик вмиг озарился светом, словно кто-то включил маленькую лампочку.

— Хорошо! — Она явно повеселела, её всё-таки так легко понять.

— Наконец-то уроки закончились, Сяо И, пойдём сегодня домой вместе. — Я стала собирать рюкзак.

— Можно, — кивнула она.

— Меня тут вообще в упор не замечают. Смотри у меня, я тебя сегодня телефонными звонками забомбардирую, — возмущенно бросила Сяо Вэй.

— Только попробуй, в черный список кину. Сяо И, пошли скорее. — Я потянула Сяо И за руку, поднимая с места.

— Хм, вредина, — Сяо Вэй отвернулась.

— Разве можно так с Лян-тунгсюэ? — с тревогой спросила Сяо И, когда мы уже шли у школьных ворот.

— Ничего страшного, лучшие подруги так и общаются, — улыбнулась я.

— Вот оно как, — отзвалась она, но, казалось, хотела сказать что-то ещё, однако проглотила слова.

Я не расслышала, что она попыталась сказать следом — нет, она вообще ничего не сказала. Но по её лицу было видно, что она собиралась вымолвить что-то ещё,

да передумала. Это её желание что-то сказать и внезапный отказ от своих слов заставили меня растрогаться.

И кем мы друг для друга приходящимся? Мне хотелось спросить её об этом, но язык не поворачивался.

Да ладно. Не могу я этого сказать.

Мы долго сидели на скамейке, болтая о том о сём. В основном говорила я, а она слушала, изредка кивая или отвечая улыбкой. Закатное солнце заходило за крыши противоположного дома, и вся улица окрасилась в оранжево-красные тона. Я повернула голову к ней: лучи падали как раз на её лицо, и каждая линия — от лба к переносице, от губ к подбородку — была очерчена золотым сиянием. Были видны даже тончайшие пушинки на её ушках, такие нежные и мягкие.

Она сидела вот так, слегка прищурившись, глядя куда-то вдаль, а на её губах всё ещё держалась не до конца угасшая улыбка, словно она заново переживала что-то прекрасное. Судя по моим недавним наблюдениям, она всегда была такой. Жизнь её, пожалуй, была нелёгкой, но она никогда ни на что не жаловалась. Улыбалась каждому встречному, кланялась и искренне благодарила за помощь, а во время еды всегда оставляла самое вкусное напоследок. Словно маленькая звёздочка, способная сиять сама по себе, она тихо и стойко продолжала существовать в этом мире.

◇◇◇

И кем же мы со Сяо Лянь друг для друга являемся?..

— Давай сегодня тоже посидим на лавочке, — предложила она.

— С удовольствием! — Я кивнула, хотя на самом деле была очень рада. Здесь было тихо, только мы вдвоём, закат и река.

Мы болтали, и закатные лучи падали на её лицо так, будто она сама превратилась в солнце. Нет, по моим наблюдениям, она всегда была такой жизнерадостной, она и есть солнце. До чего же она прекрасна! Её собственный свет слепил сильнее закатного.

— Ну всё, пойдём, — она поднялась.

— Угу, — я встала следом.

...

Все последующие дни были точь-в-точь как этот. Она часто звала меня поговорить, оборачивалась на перервах, чтобы перекинуться словечком, составляла мне компанию за обедом и провожала после школы до самой речки. До тех пор, пока...

— С Кошечкой, с днём рождения! Вот, это мой тебе подарок, прими, пожалуйста. — В тот день после уроков она неожиданно достала небольшую аккуратно упакованную коробочку.

— Спасибо тебе... — Подарок? Кажется, мне впервые дарят подарок на день рождения. Сердце снова пропустило удар.

— А что мне подарила Хозяйка? — не удержалась я, используя новоприобретенное обращение.

— Хм-хм-хм, а ты открой и посмотри, — загадочно улыбнулась она.

Я осторожно развернула оберточную бумагу. Внутри оказался маленький ночник: когда его гасили, на потолке отражался силуэт котёнка, излучающий мягкий желтоватый пушистый свет.

— Ночник, — проговорила я чуть подрагивающим голосом.

— Не забудь проверить его дома. Жаль только, что сегодня пятница, и погулять вместе не получится, как насчет наверстать упущенное завтра? Есть ли какое-то место, куда тебе хочется сходить?

— Хочется посмотреть на животных, — вспомнила я, как она недавно упоминала океанариум.

— Вот как? Тогда давай отправимся в океанариум.

— С удовольствием. А Сяо Вэй...

— Только мы вдвоем, — подчеркнула она, и в её глазах вспыхнул какой-то особенный огонек.

Вдвоём. (Тук-тук, тук-тук)

Я крепко зажала ночник в ладони, а сердце отчаянно колотилось. Вдвоём, только мы вдвоём. Эти четыре слова эхом отдавались в голове снова и снова, и с каждым отзвуком моё сердце билось быстрее. Я инстинктивно сжала ночник ещё сильнее, так, что побелели костяшки пальцев — словно я боялась, что стоит мне разжать руку, как это тепло исчезнет, а обещание насчёт «вдвоём» погаснет, подобно свету.

— Хм... хорошо, — выдавила я из себя голос, казалось, раскрошенный собственным пульсом. Вдвоём. Только мы вдвоём. Эти четыре слова безостановочно гудели в голове, и каждый новый удар сердца отзывался в груди. Я судорожно сжала подарок, боясь потерять это тепло.

— Уже темнеет, давай возвращаться. Сначала закажем билеты, а завтра в восемь утра

встретимся на станции, — легко произнесла Сяо Лянь, словно говорила о чём-то совершенно будничном.

Но для меня это было далеко не буднично.

— Хорошо, — отозвалась я и поплелась следом за ней. Заходящее солнце вытянуло наши тени длинными полосами: одна впереди, другая позади, они иногда сливались в одну. Я несколько секунд вглядывалась в эти переплетающиеся тени, а затем поспешно отвела взгляд — словно стоило посмотреть ещё хоть секунду, и тайный секрет из моего сердца вырвется наружу.

(Тук-тук, тук-тук)

Вернувшись в совершенно пустой дом, я ощутила привычное одиночество, но сегодня оно было совсем другим — его до краёв вытеснило другое, куда более сильное предвкушение. Родители ещё не вернулись, ужин, как водится, предстояло готовить самой. Но сегодня кусок не лез в горло, в голове крутилось лишь одно: «вдвоём».

Приняв душ и легла в постель, я увидела, как загорелся экран телефона.

□Кошечка, билеты заказаны□

□Хорошо, я очень жду□

Когда я печатала ответ, мои пальцы дрожали. «Очень жду» — эти три слова то появлялись, то стирались, я снова набирала их и удаляла, но в конце концов всё же отправила. Чего же я жду? Жду ли я океанариум? Нет, я жду целый день, который проведу наедине с ней. Никаких одноклассников, никаких посторонних — только я и она.

От одной этой мысли лицо невыносимо запылало. Я прижала телефон к груди и зажмурилась, пытаясь заставить себя успокоиться.

Но сердце совершенно не желало подчиняться.

(Тук-тук, тук-тук)

<http://bllate.org/book/19361/1892616>